

РОДОНОЧАЛЬНИК

ХІІ. СЕМЬЯ НИКИТЫ

Вся жизнь Демидова в том виде, в каком она реконструируется из сколько-нибудь достоверных известий о нем,— почти сплошь история его трудов. Между тем этот человек не только жил и трудился — он имел родичей, обзавелся семьей, устраивал ее быт, думал о судьбе детей.

Скажем в заключение несколько слов о семье Никиты Демидова.

По Афремову, Никита Демидов женился в 20-летнем возрасте, то есть в 1676 г. Его жена происходила из оружейного сословия и звалась Авдотьей (Евдокией) Федотовной. В гамелевском рассказе о знакомстве Никиты с царем упомянуто, что жена кузнеца «была и молода, и прекрасна». Достоверность подобного рода черт фольклорного образа, разумеется, невелика. Но Е. Ф. Демидова пережила мужа (умершего на семидесятом году) по меньшей мере на два десятилетия — факт, косвенным образом подтверждающий, что она была значительно его моложе.

При жизни мужа Авдотья Федотовна пребывала в отбрасываемой им тени — лишь после его смерти имя ее начинает встречаться на страницах документов. Почти все они связаны с доставшейся ей по наследству от мужа собственностью. По закону вдове полагалась доля недвижимости (четверть), основная часть которой по закону о единонаследии и воле отца должна была перейти к старшему сыну Акинфию. Но в прошениях, поданных в 1726 и 1727 гг. в Вотчинную коллегию, главный наследник сообщил что хоть де его вдова Авдотья о четвертой части из того недвижимого имени не челобитчица» (уточнено — «за старостию») и отметил, что она «обретаетца ныне в Тульской правинции в доме своем». По предложению Акинфия в Тулу был послан указ допросить Евдокию Федотовну, действительно ли она отказывается от своей части в наследстве. Допрос был учинен 17 апреля 1727 г. в Тульской провинциальной канцелярии в присутствии воеводы и свидетелей. Демидова сообщила, что в отношении принадлежащей ей по указам четвертой части «не челобитчица», и заявила об уступке этой части «в вечное наследие ему Акинфию».

В том же 1727 г., 23 октября, Е. Ф. Демидова составила духовное завещание. «В недвижимом наследником, в движимом — душеприкащиком» она по-прежнему назначила старшего сына. Из движимого 1300 рублей она оставила двум младшим сыновьям и дочери, все же остальное приказывала раздать нищим при церквях и на строение храмов. Акинфия она просила широко, «оставя скупость», жертвовать из оставшихся после нее денег, а также из собственных средств «в поминовение муже моем и по мне по вся годы». «И души наши поминовением строить и годовые службы по нас служить по христианской законной должности». Составлен документ был «в Туле, у крепостных дел». Среди свидетелей, его подписавших, встречаем многих примечательных представителей Оружейной слободы и тульского посада: кузнеца Петра Володимерова, посадских Антипа Постухова, Якова Красильникова, Алексея Лугинина и комиссара Никиту Чулкова.

Позже, однако, почему-то возникли сомнения в достоверности завещания. Указом Юстиц-коллегии от 3 марта 1730 г. велено было завещательницу и свидетелей допросить; первую — распорядилась ли она писать духовную, выражают ли имеющиеся записи ее волю и по ее ли велению «свидетели во свидетельстве подписались». На допросе, состоявшемся 12 марта 1730 г.,

вдова подтвердила, что завещание составлено по ее распоряжению, рукоприкладчик (им выступил священник Николо-Зарецкой церкви Иван Федоров) и свидетели подписались под документом по ее велению и последний отражает ее остающуюся неизменной волю.

Семь лет спустя, при императрице Анне Иоанновне, вопрос о завещании Е. Ф. Демидовой возник снова. Теперь уже вдова подала прошение о подтверждении завещания. Содержание его в основном оставалось неизменным: движимое и недвижимое имущество передавалось Акинфию Никитичу. В 1737 г. ее прошение рассматривал Кабинет министров. Любопытный штрих, характеризующий связи и круг общения семейства Демидовых в этот период свидетелем, подтверждавшем завещание Е. Ф. Демидовой, выступил находившийся в тот момент в Туле младший брат Бирона Густав.

Как уже говорилось, Евдокия Федотовна надолго пережила своего мужа. Она хранила память о нем, чему свидетельством не только цитированные строки завещания, но и церковные вклады. Так, в память о покойном она пожертвовала в тульскую Христорождественскую, что в Чулковой слободе, церковь отлитый в Москве мастером Иваном Моториным 53-пудовый (865 кг) колокол (не сохранился). Какие-то вклады в Христорождественскую церковь, что в Чулковой слободе, Е. Ф. Демидова делала и до передачи в нее колокола: вкладчицей называет ее священник этой церкви Иван Савинов в одном документе, составленном 17 апреля 1727 г., то есть, более чем за полтора года до его отливки.

В родословных росписях, включая новейшую, в качестве года ее смерти закрепился год 1730-й. Нами обнаружено дело, в котором Е. Ф. Демидова (несомненно живая) упомянута в документе от июня 1744 г.

Е. Ф. Демидова являлась прихожанкой Николо-Зарецкой церкви, духовным отцом ее был священник этого храма Иван Федоров. Учитывая это, утверждение Афремова о погребении ее в некрополе указанной церкви выглядит вполне правдоподобно. Из поздней даты смерти (не ранее 1744 г.), между прочим, следует, что похоронена она была, скорее всего, не на внешнем кладбище Никольской церкви (как ее муж), а в родовой усыпальнице внутри уже существовавшего в то время и сохранившегося до наших дней каменного храма.

Из детей Н. Д. Демидова, рожденных в браке с Евдокией Федотовной и доживших до зрелых лет, известны четверо: сыновья Акинфий (старший), Григорий, Никита и дочь Анастасия. Хотя и в разной мере, все сыновья оставили след в истории отечественной металлопромышленности. Так или иначе были с ней связаны и многие из их потомков. В XVIII веке собственностью Демидовых было не менее 55 металлургических предприятий, большинство из которых они же и построили.

Но фундамент их горного царства заложил именно Никита Демидов — родоначальник промышленной династии, одна из крупнейших в истории Тулы фигур, шагнувших из города мастеров на просторы российской истории.

**Игорь ЮРКИН,
зав. кафедрой ТулГУ.**